

«СТАЛИНСКАЯ» КВАРТИРА

В той квартире были высокие потолки и высокие-высокие подоконники. Лера подходила, вставала на цыпочки и клала подбородок на прохладную, крашеную белой глянцевой краской, но уже сильно потёртую и исцарапанную поверхность. Так ей удавалось разглядеть уголок двора с кирпичными воротами, увенчанными жестяным кокошником – этакой миниатюрной триумфальной аркой, возведённой как раз в год Победы... А также – рубиновые звёзды Кремля на огромном транспаранте, что скрывал стену соседнего дома. Весь этот торец был глухой, и лишь на уровне второго с половиной этажа, справа от нарисованной Спасской башни, проглядывало маленькое окошко. Иногда по вечерам там горела лампочка и был смутно виден пожелтевший кафель на стене и изогнувшийся подсолнух душа.

Во дворе вдоль ограды кучами были свалены дрова. А чтобы их не украли, протащив чурки и доски между штакетинами, жильцы обвили ограду проволокой и натыкали, переплетя их, толстые ивовые прутья. Но когда ворота были открыты, дрова всё равно воровали, улучив момент и суматошно забежав прямо во двор, набросав в охапку, сколько успевали до первых криков глядящих из окон старух. Из-за этого все жильцы старались поскорее нарубить свои деревяшки и затащить в квартиры, сложив за печками.

Отец таял дрова по воскресеньям. Лера стояла рядом, не слушая предупреждения: «Отойди, отойди подальше, а то щепка отлетит!», – и глядела, как купленные, чтоб подешевле, сосновые обрезки превращаются под топором в перебитые надвое-натрое палки, ершащиеся на изломах сотнями колючих иголок-волокон (по причине тупости топора и упрямости отца, твердившего не первый год кряду, что и так сойдёт).

Зимой, когда мороз и солнце, дрова хрустели под топором особенно звонко, а свежая открывшаяся древесина пронзительно пахла смолью и была совсем не холодной, если приложить колючую щепку к щеке.

Лера догадывалась, что существовала и ещё одна причина, по которой отец, побрякивая на морозце, рубил дрова именно по воскресеньям с утра. В эти часы улица наполнялась народом, спешащим к открытию магазинов. Этот народ шёл мимо и, наверное, вспоминал отвлечённую логику довоенного анекдота про связь селёдки и естественных надобностей: раз отец рубит дрова, значит, есть печка; а если есть печка, есть и собственная настоящая-пренастоящая квартира, где эта печка стоит.

Спустя много лет она поняла, что отец с этой гордостью и с этими дровами был совсем ещё молодое двадцатисемилетнее пацанво – дразня обитателей шумных бараков, он выходил рубить дрова в ушанке со звёздочкой и в гимнастёрке с колодками и двумя нашивками за ранения. Но весь его хитрованный вид будто бы сигнализировал прохожим: я вовсе не выпендриваюсь, демонстрируя на морозе эту орденоносную символику, мне просто жарко. И я не виноват перед вами всеми, что так совпало – и фронтовик, и обитатель своей квартиры в таком шикарном доме, и живой...

Дом в городке знали все, и звали то «сталинским» (стараясь хоть так подчеркнуть родство с новостройками центральных улиц Москвы), то – «блюмовским». В праздники дом оказывался самым красивым – его четыре ряда балкончиков расцвечивались флагами, а над карнизом обновлялся постоянно развёрнутый транспарант «Великий Сталин – творец народной Конституции!» В эти праздники мать-героиня Блюмиха вытирала своим Блюмам носы, и они – все одиннадцать – вываливались гулять в свой двор без ограничения времени пребывания, то есть, до полного оголодания или до абсолютного промокания и окоченения.

Дымили печные трубы, и поэтому под сталинским транспарантом дом был похож на мощный лайнер, плывущий в сторону солнца к светлomu будущему...

...Разговор о печке зашёл случайно. В минувшем феврале поднадело такого снега, что даже Серегин внедорожник, едва уткнувшись в просёлок, спасовал перед стихией. И они тогда развернулись, уехали обратно в город. И три недели не показывались на даче, пока не позвонил сторож и не сообщил, что от трассы прошёл грейдер и теперь дорога до самых ворот «как стекло, как рушник стелённый»... Приехали в начале марта, и выяснилось, что за прошедшее время в дачу забрались какие-то уроды – нагадили, выжрали мартини и утащили с первого этажа всё более-менее ценное (второй этаж и гараж вскрыть не сумели). В том числе унесли и филипповский четырёхкиловаттник.

– Тёплый ватник – киловаттник... – бурчал муж, обрывая фразы. – Сторож, блин... Может, и сам помогал выносить... А нет – все равно debil... Камин теперь пока растопишь...

– Растопишь, не развалишься, – парировала Валерия. – И не отлынивай, оденься потеплее и чтоб мне ни капли там! Вот список, чего из погреба достать. Возьми с собой, я тебе туда сто раз кричать не стану. Одну бутылку вынь сюда, а в погребе не открывай, не пей! Слышишь, что ль?

– Ла-адно... – он ушёл с ключами в гараж, осторожно и чуть брезгливо ступая по глубоким следам, оставленным неделю-две назад неизвестными ворами.

Потом он возился с камином, а Лера – слово за слово – рассказала о старом доме, который в далёком городке все звали «сталинским», о печках, о шикарной отдельной однокомнатной квартире с видом на роскошный Кремль.

Громче всех гоготал Мудраков, который недавно купил хату на Тверской и которому именно поэтому теперь любые разговоры о чужом жилье, заведомо более убогом, были приятны. А уж разговоры о таком хлебищном доме!..

Мудраков расплескивал пиво на брюки, но не ставил бокал, а продолжал утробно ржать с тарой в руке:

– И, говоришь, прям в комнате печка, и дрова за ней? Ну, Лерка, ну уморила! Ста... талинская квар... тира! Ай, Серёга, супружница у тебя крутая, как Задорнов, который юморист! Я прям тащусь!

За столом делалось легко, разговоры с приехавшими приятелями переходили на виденное по телеку шоу молодых дарований (почём, интересно, они башляют?), на модного визажиста (как попасть и почём?) и на магазин тканей от кутюрье (или для кутюрье, неважно, блин), где есть чудо (тут жёны Мудракова и Бобкова, жестикулируя перед носом Леры, энергично закатывали глаза), ну прямо чудо почти по четыреста евро за метр. Если из куска. А мерные лоскуты не в пример дешевле, хотя чудо – тоже...

...Валерия не была в городке тридцать два года. Муж, как обычно, ворчал: ради оформления наследства на такую хрень, как конура в полуразвалившемся доме, можно было не срываться с места – послать человечка с доверенностью, он бы всё устроил. Но Лерка раскапризничалась, настояла и поехала. Правда, на машине муж не пустил, велел не рисковать и спокойно ехать поездом.

Что сразу бросилось в глаза – в городишке было не в пример мало коммерческих киосков. «Тоже, что ли, борются...» – хмыкнула она, вспомнив мощные наскоки московских властей. И даже тусклая вывеска «Обмен валюты» в центре возле вокзала выглядела мелко, одиноко и стыдливо, будто извещала о наличии интимных принадлежностей. Улицу узнала по оврагу – вот каланча с облезлой штукатуркой, дальше стоял трёхэтажный дом с Кремлём, но его уже не было. На месте разбили сквер. А «сталинский» – вот он.

Лера рассмеялась: на фасаде болталась под ветром забытая много-много лет назад часть некогда громадного транспаранта: «...народу – строителю ко...» Бабка, ловко орудовавшая палкой в мусорном баке, оглянулась на этот смех, застыя от солнца. Валерия застеснялась и спросила невпопад:

– Извините, блюмовский дом – этот?

– Этот, – сказала бабка. – Вам к Блюмам, или просто так?

Лера немного удивилась, что Блюмы живут в этом доме до сих пор. Но тут же рассудила: «А почему же им тут не жить?», и ответила:

– Просто так.

И старуха потеряла к ней всякий интерес.

Кирпичные ворота обрушились или были разобраны на гаражи. Остались только два огрызка столбов дореволюционной ещё кладки. Дом стал жалкий и маленький – пятиэтажный, он выглядел беднее столбичной хрущобы.

Нотариус принимал с девяти, время ещё было, и Лера вошла. В коридоре пришлось нагнуться, чтобы не задеть чёрный свисавший с по-

толка кабель. Ключ, оставленный отцом лет восемь назад, во время последнего его приезда, сработал на удивление легко. Входя, она зачем-то ещё раз пригнулась или поклонилась.

В комнате бросились в глаза серые покрывала, выброшенные на кресла, на кровать, на шкаф и на коробки со всякими вещами в углу. Печка стояла всё так же величаво, лишь с угла побелка и глина стёрты до кирпичей – в последние годы отец цеплялся за угол ладонью, шуруя кочергой в топке. В плетёной корзине лежали, покрытые паутиной, несколько кусков антрацита.

Лера скинула шубу на кровать, подошла к окну. Сапоги на высоких каблуках позволили ей не очень тянуться вверх – она лишь чуть-чуть привстала на цыпочки и положила подбородок на гладкий, покрашенный белой глянцевой эмалью, подоконник.

В окно было видно небо и маленький уголок двора. Там у забора молодой человек рубил дрова.

СЕРЖАНТУ НИКТО НЕ ПИШЕТ

Поздно вечером хулиганы испортили почтовый ящик. Сержант слышал, как они гоготали в подъезде. Но пока оделся, пока вышел и спустился на полтора этажа, эти твари разбежались, а дело было сделано: дверца скособочилась на одной петле, выломанный искорёженный замочек валялся на полу среди подсолнечной шелухи и окурков.

Сержант вынес молоток, загогулину мягкой проволоки. Постучав по вмятинам, немного выпрямил дверцу и привязал её ко второй петле.

Соседка из седьмой загремела задвижкой, выглянула, жмурясь на тусклую подъездную лампочку:

– Эй, ты знаешь, скока сечас время?! Время сечас знаешь? Ни стыда, ни совести!

– Чего раньше-то не высунулась, когда тут ломали всё?

Сержант беззлобно замахнулся на неё костылём, и та скрылась, хлопнув дверью. Доделав работу, он отправился обратно на свой этаж. А по пути наклонился к замочной скважине седьмой квартиры:

– Тридцать пять двенадцатого, вот сколько!

Он зажёл свет на кухне. Тараканы – весёлые ребята – замельтешили по столу и по плите, прячась.

– Вспышка справа! – привычно скомандовал им сержант, и дрессированные сожители организованно скрылись вовсе.

Он взял с подоконника первый попавшийся конверт, вынул письмо, скомкал, не читая, и вытер бумажным комком стол. Собрался порезать хлеб, но, вспомнив только что резвившихся тут насекомых, разорвал ещё один конверт и расстелил белые листки бумаги текстом вниз.

Сержант ел яйца, днём ещё жареные с луком, поглядывал на телефон. Наконец, отодвинул сковороду и, покрутив диск, набрал номер службы точного времени. Киоск у соседнего дома ещё работал.

Сержант побросал посуду в раковину, на всякий случай покрутил краны. Но с прошлого года, когда начальника службы водоканала повысили и выбрали главой поселковой администрации, водопровод стал отключаться чуть не каждый день.

Он шёл по двору, стараясь попадать чёрной резинкой костыля на шершавые участки асфальта, уже вытяявшего из-подо льда. На сгибе локтя болталось пластмассовое ведро. У колодца, несмотря на поздний час, были люди. Но сержанта пропустили без очереди. Мужичок в спортивном костюме, ёжась от ночного морозца, налил сержанту чуть больше полведра воды, чтоб не расплескал по дороге. В ней плавали искрящиеся под фонарём льдинки, бились о стенки.

Докостыляв до киоска, сержант выбрал четвертинку водки с самой яркой этикеткой, приобрёл её и за неимением удобных карманов булькнул прямо в ведро с водой. Помедлив, он купил жетон.

Старый телефон-автомат возле торговой точки был вполне дееспособен. После семи гудков вызова на другом конце провода включился автоответчик.

– Привет, отшельник! – бодро надиктовал сержант. – Как дела? У тебя всё пучком, я надеюсь, в порядке, типа? Ну, держись, чёртушка, не пропадай! Бай-бай! Человечество тебя любит!

Вернувшись домой, сержант набулькал водки и выпил. Посидел молча, прислушиваясь к организму. Стало приятно.

Он вымыл руки, поливая себе из кружки то на одну, то на другую ладонь. Вытер их очередным письмом, взятым из стопки на подоконнике. Выбрасывая промокшую бумагу в ведро, успел прочитать: «Уважаемый избиратель! Надеюсь, что, непременно посетив участок для голосования, Вы поймёте, что лишь моя кандидатура...»

– А интересно... – буркнул сержант. Он нашел в куче точно такой конверт и посмотрел на агитке фамилию кандидата. Этот конверт вместе с вложением тоже выбросил.

Допив водку, сержант побродил по квартире без костыля, хватаясь за мебель и приволакивая ногу. Вернулся на кухню и нажал клавишу автоответчика. Долго ничего не было слышно, а потом металлический и не узнаваемый им голос бодро сообщил:

– Привет, отшельник! Как дела? У тебя всё пучком, я надеюсь, в порядке, типа? Ну, держись, чёртушка, не пропадай! Бай-бай! Человечество тебя любит!

– Как дела, как дела, – сержант повторил искажённое словечко, наклоняясь с кружкой к ведру. – Нормально дела, пучком.

Он зачерпнул ледяной воды. В ней ещё плавали льдинки, но уже таяли.